

УДК 316.334.3+366.636

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

В. А. Зимин

Саратовский государственный университет
E-mail: natali.26.12@mail.ru

В статье рассматриваются основные подходы к анализу концепций политической модернизации в современной российской политической науке в контексте исследования места и роли социокультурного фактора в ее проведении. Автор обосновывает необходимость отказа от универсалистского понимания концепта политической модернизации и объективную потребность в разработке специфической российской модели преобразований, адекватной специфическим социокультурным и социально-экономическим условиям России.

Ключевые слова: политическая культура, политическая модернизация, концепции политической модернизации, социокультурный фактор модернизации.

Political and Cultural Context of Concept of Political Modernization in Russian Science

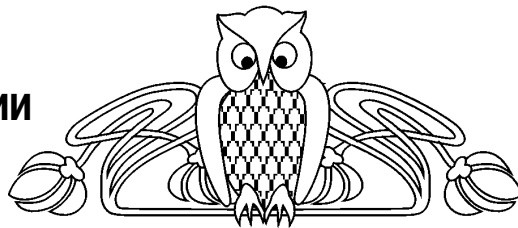
V. A. Zimin

The article discusses main approaches to analysis of concepts of political modernization in modern Russian political science in the context of study of place and role of sociocultural factor in its conducting. Author justifies the necessity of abandoning the universalistic understanding of the concept of political modernization and justifies objective need in development of specific Russian model of transformations, which will be adequate to sociocultural and socioeconomic conditions of Russia.

Key words: political culture, political modernization, concepts of the political modernization, sociocultural factor of modernization.

Среди российских политологов нет единства в понимании роли социокультурного фактора в модернизационных процессах. Гораздо больше единодушия в понимании особой значимости властной инициативы в их проведении. По мнению известного российского политолога В. И. Пантина, для России характерна особая, «не сравнимая с другими странами и цивилизациями роль государства в инициировании, определении направленности и осуществлении модернизированного процесса на всех его стадиях»¹.

Одним из российских исследователей, изучающих взаимосвязь социокультурных особенностей российской модернизации, является С. Н. Гавров. В своей монографии автор рассмотрел исторический процесс российской модернизации и пришел к выводу о наличии определенной цикличности в чередовании имперской и либеральной моделей модернизации, в котором имперская модель является доминантной, а либеральная лишь до-

полнительной, компенсационной. Результатом реализации такой модели российской модернизации является не столько вхождение России в модерн, сколько укрепление феодально-имперских оснований культурно-цивилизационной системы. Главная проблема, по мнению автора, заключается в том, что модернизация во имя укрепления империи приводит к перераспределению жизненной энергии человека из сферы повседневности в сферу светских или религиозных мегапроектов, создает мир, где человек – лишь подручное средство, а укрепление империи – великая цель².

Как представляется, такие интерпретации циклической модели модернизации оторваны от конкретно-исторических внутренних политических и социально-экономических обстоятельств и внешнеполитических условий их проведения. С этим связана и определенная абстрактность основных предложений С. Н. Гаврова по выходу из замкнутого круга имперской модели модернизации. Важнейшей задачей, по его мнению, является изменение отношения к частной собственности в политической культуре современной России. Однако, на наш взгляд, наибольшим препятствием на пути решения данной проблемы выступает не ментальное неприятие россиянами частной собственности вообще, а именно характер проведенной в начале 1990-х гг. приватизации. О том, что она носила несправедливый и нерациональный даже с экономической точки зрения характер, сегодня говорят многие исследователи.

Именно поэтому новые российские олигархи и вывозили капиталы за рубеж и получали двойное гражданство. Подсознательно они сами понимали, что этот грабительский процесс может в любую минуту прекратиться в результате социального конфликта со стороны большинства населения, возмущенного грабительскими результатами проведенной приватизации.

Интересная точка зрения на особенности политической культуры современной России в контексте перспектив модернизации представлена в монографии «Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология». Исследуя варианты «неизбежной грядущей восстановительной властно-управленческой трансформации России» на основе исторического моделирования и компаративистики, авторы рассмотрели четыре сценария перехода: «революция», «дворцовый переворот», «демократический переход», «цезарианская трансформация». На основе анализа наименьших

издержек и диагностирования стартовых условий они пришли к выводу о наибольшей предпочтительности цезарианской модели трансформации. Одним из главных аргументов в пользу такого выбора стала усиливающаяся мировоззренческо-ценностная переориентация на рельсы политики национального возрождения России³.

На наш взгляд, прямой связи между действительно имеющей место переориентацией массового сознания на ценности государственничества и державности и предпочтительностью цезарианской модели модернизации не существует. Скорее это прямое следствие периода 1990-х гг., когда стремление разрушить коммунистическое наследие и индоктринировать либеральные ценности привели не только к разрушению СССР, но и к реальной опасности распада самой России. Фактическая утрата суверенности России, стремление Б. Н. Ельцина и его либеральных сторонников любым путем завоевать доверие США и их союзников даже за счет явного игнорирования собственных национальных интересов во внутренней и внешней политике стали причиной отторжения навязываемых либеральных ценностей в том конкретном воплощении, которое привело не только к резкому ухудшению жизненных условий, но и к ущемлению национальной гордости большинства населения.

Социологические исследования показывают, что после беспрецедентного всплеска активности масс конца 1980-х – начала 1990-х гг. общество резко изменило свое отношение к участию в политической жизни⁴. Все исследования последних лет также фиксируют постоянно снижающийся уровень политической активности россиян. По мнению В. В. Петухова, выросло целое поколение людей, которое уже ничего не ждет от власти, от общественных институтов и действует, что называется, в «автономном режиме»⁵.

На наш взгляд, данный факт не может быть интерпретирован однозначно. С одной стороны, снижение общественно-политической активности явно свидетельствует о неблагополучии существующих механизмов взаимодействия власти и общества, о недостаточно высоком уровне их политической легитимности.

В ходе опроса, проведенного под руководством автора данной статьи в октябре-декабре 2003 г. на промышленных предприятиях Саратовской области (подшипниковом, авиационном, Трансмаше и др.), был задан вопрос: в какой мере Вы согласны с утверждением, что сегодня власти в России стали ближе к народу, чем были в начале 90-х гг. XX века? Полностью были согласны с этим только 2,36% респондентов; скорее согласны – 10,23%, полностью не согласны – 39,37% опрошенных, скорее не согласны – 45,66%, затруднились ответить – 3,93%. Таким образом, только 12,5% опрошенных сказали, что нынешняя власть в той или иной степени стала ближе к народу, чем предшествующая.

Однако отсутствие веры в результативность своего участия в политической жизни имеет и другую сторону, которую нужно учитывать в оценке перспектив расширения социокультурного потенциала для проведения модернизации в современной России. Значительная часть «неверующих» (особенно представителей молодежи) акцентирует внимание на решении своих жизненных проблем именно в «автономном режиме», выстраивая траекторию жизни без расчета на государственную поддержку.

Тем самым происходит достаточно быстрое по историческим меркам изживание патерналистского комплекса, который получил повсеместное распространение в годы советской власти. Расчет современной молодежи на свои собственные силы формирует здоровую основу для укрепления положительных индивидуалистических ценностей, невзирая на негативное отношение к либерализму как идеологии у большинства населения.

По данным социологов, единственной формой влияния на власть, которая востребована значительным числом россиян, остаются выборы как самый простой и необременительный вид участия. Однако и они, особенно в последние годы, начинают восприниматься, прежде всего молодежью, как формальность, если и нужная, то, главным образом, для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают, особого значения не имеет. По мнению В. В. Петухова, «в обществе есть также значительная часть граждан, которая в принципе отвергает легитимацию власти через выборные процедуры. Именно неучастие, а не протестное голосование, становится все в большей степени самым распространенным средством выражения политического недовольства граждан»⁶. На наш взгляд, такая однозначная трактовка абсентеизма российских граждан не совсем точна, так как не учитывает различные мотивы неучастия в голосовании. Среди них есть те, кого фактически устраивает существующий политический режим и кто считает, что и без них «выберут кого нужно». Абсентеистами чаще всего становятся те, кого не устраивает наличный выбор кандидатов и политических партий. Думается, что либерализация партийной системы и увеличение числа партий, принимающих участие в выборах разного уровня, существенно сократит данную группу абсентеистов.

Особенность российской политической модернизации, по мнению В. И. Пантина, – это «периодически реализующаяся разнонаправленность процессов модернизации государства и модернизации общества. Благодаря слабости гражданского общества и исключительной роли, которую играет государство в России, модернизация общества постоянно подменяется модернизацией государства – его военно-индустриальной мощи, бюрократического аппарата, репрессивных органов, государственного сектора экономики и т. п. В итоге задачи форсированной военно-ин-

дустриальной модернизации государства, усиления его как мировой державы часто решаются за счет антимодернизации, частичной архаизации и деградации общества». Государство поэтому часто «предстает необычайно инерционным образованием, блокирующим разрешение многих назревших социальных конфликтов, что в истории России не раз приводило к политическим и социальным потрясениям...»⁷

Думается, такое разграничение общества и государства представляет собой экстраполяцию на российскую действительность одной из западных моделей гражданского общества, основанной на достаточно упрощенном подходе к пониманию социального прогресса и противопоставлению логики развития государства и общества. На самом деле развитие государственных и общественных институтов представляет собой неразрывно связанный процесс и включает в себя единство и борьбу общесоциальных, групповых и индивидуальных интересов. Каждый из данных уровней интересов реализуется в рамках как государственных институтов, так и общественных. Данные интересы могут вступать в противоречие друг с другом во всей своей совокупности либо в отдельных своих частях, но все они реализуются в рамках единых правил и принципов, устанавливаемых и регулируемых государством.

Одним из ключевых для современных российских политологов является ответ на вопрос: нужно ли отказываться от традиционных ценностей национальной культуры или даже от национальной культуры как таковой для обеспечения процессов модернизации? Сторонники положительного ответа обосновывают ее наличием в политической культуре россиян архаичных традиционалистских ценностей, которые служат главным препятствием для проведения прогрессивных политических и социально-экономических преобразований в соответствии с проверенной западной моделью модернизации.

Проблема взаимосвязи и противоречий социокультурного плюрализма и универсализма современных глобализационных процессов является одной из самых дискуссионных. Например, дилемма, на которую в свое время не смог дать однозначного ответа Эйзенштадт, состоит в том, «творят ли уникальные общества свой собственный, культурно невоспроизводимый вовне их Модерн, или же Модерном предполагается единая культурная программа Модерна, которая претерпевает некие закономерные аберрации в иноевропейских условиях»⁸.

По мнению В. С. Мартыанова, подобный дискурс «оборачивается из современного в цивилизационный, акцентирующий приоритет уникальности и различий, а не закономерностей и сходств»⁹. Автор подчеркивает методологическую слабость концепции множественной современности в связи с тем, что она отдает предпочтение исключениям, а не правилам, то есть культурной уникальности

и фиксации отличий разных обществ, что не позволяет выявлять общие закономерности их развития и выстраивать теории высокого уровня, адекватные космополитическому Модерну. Предположение о множественности культурно детерминированных современностей исследователь оценивает как скрытый дискурс цивилизации, маскируемый под модернистскую риторику. Возможность умножения сущностей Модерна – это попытка его опровержения, так как он предполагает универсализацию и глобализацию социально-политических ценностей и общественных институтов, выходящую за пределы наций, культур и цивилизаций, но эффективно работающую в любых регионах мира вне зависимости от особенностей предшествующего развития¹⁰.

Анализируя накопление модернизационного потенциала российского общества, исследователи отмечают, что в последние годы оно происходило в основном в крупных городах и столице. В то же время материалы Л. А. Беляевой, полученные в 2010 г., говорят о том, что в средних городах также наращивается социальная база для модернизации, что создает предпосылки для преодоления ее анклавного характера. Так, в составе взрослого населения этих городов средний класс, по данным автора, уже составляет 25%¹¹.

Для нашего исследования особый интерес представляют оценки Л. А. Беляевой компонентов сознания этой квалифицированной части занятого населения, вписавшегося в современные рыночные отношения. Автор подразделяет ее на особые исследовательские группы, утверждая, что в средних городах проживает 34% всех «высокостатусных», 24% «экспертов», 21% «руководителей». Первый компонент сознания, или менталитета, который отличает эти слои, – социально-психологическое самочувствие. Их самооценка выше, чем у остального населения, они позитивнее оценивают ближайшее и отдаленное будущее. Отнесли себя к среднему слою и более высоким слоям 86% «высокостатусных», 87% «экспертов», 84% «руководителей», тогда как в остальных слоях таковых было в среднем на 20% меньше. Два слоя с наибольшими ресурсами – «высокостатусные» и «эксперты» – отличаются и большим оптимизмом, связанным с общим социальным самочувствием, и позитивным настроением на продуктивную деятельность¹². Использовался индекс оптимизма, который рассчитывался как средняя арифметическая от разности позитивных и негативных ответов на три вопроса анкеты: как стали жить по сравнению с прошлым годом?; как будете жить в следующем году?; насколько спокойны относительно своего будущего? На основе полученных данных Л. А. Беляева пришла к выводам о том, что население в целом в разные периоды реформ было настроено довольно пессимистично, но наблюдалось постепенное повышение оптимизма при улучшении положения в экономике и адаптации населения к изменениям.

Вторая характеристика модернизационных слоев в средних городах России связана с более сильной их рыночной ориентацией и положительным отношением к постсоветским реформам в России. Так, более 70% «экспертов», 65% «высокостатусных» и «руководителей» подтвердили необходимость реформ, начатых в 1990-е гг., что на 10–30% больше, чем в других слоях. Наконец, в своей ориентации на работу на госпредприятиях/в частном бизнесе слой, составляющие социальную базу модернизации, намного чаще других высказывались в пользу частного сектора. И это при том, что сегодня государственный и акционерный секторы – основное место работы для 80% «высокостатусных», 73% «экспертов»¹³.

На наш взгляд, данная стратификация, полученная исследователем, позволяет в большей степени говорить о социальном потенциале экономической и в меньшей степени о политической модернизации. Наличие более либерально ориентированных ценностных позиций по многим проблемам модернизации вовсе не означает готовности данных социальных групп к самостоятельным и политически институционализированным действиям по защите данных ценностей. Можно с большой долей вероятности предположить, что значительная часть опрошенных (уже в силу занятости большинства из них в государственном секторе) в той или иной степени связана в своей деятельности с «Единой Россией».

Одним из самых последовательных критиков официального варианта модернизации в современной России выступает Л. Д. Гудков, директор Левада-Центра и главный редактор журнала «Вестник общественного мнения». Он полагает, что «модернизация – это не какая-то определенная схема процесса перехода от традиционного, иерархического, сословного, закрытого социума к представительской демократии и свободной от государственного вмешательства рыночной экономике, а достаточно широкий канон интерпретации изменений в развивающихся обществах под влиянием “развитых” стран»¹⁴. Автор достаточно жестко отрицает отнесение к модернизации множества отдельных инноваций в виде внедрения новейших технологий, изменение инфраструктуры (аэропорты, телевидение, Интернет и т. п.) или даже развитие отдельных секторов экономики. Он утверждает, что модернизация представляет собой непрерывно идущие процессы структурно-функциональной дифференциации социально-групповой и институциональной систем и появления более сложных систем интеграции и обмена, коммуникаций между отдельными подсистемами. «Такие изменения следует отличать от “одномерной”, сегментарной, “технологической” и мобилизационной модернизации, т. е. направленного, форсированного развития отдельных сфер – например, военно-промышленного комплекса (а стало быть, обусловленных его потребностями образования, управления и т. п.). Формы

запаздывающей или догоняющей модернизации характерны почти для всех тоталитарных и многих авторитарных режимов»¹⁵. Тем самым автор четко противопоставляет понятие реальной, комплексной, системной модернизации и все другие «усеченные» одномерные виды модернизации.

Оценивая постсоветский период на предмет реализации задач модернизации, Л. Д. Гудков в качестве положительных результатов оценивает бурное развитие социальных отношений, подавленных ранее: «...экономические обмены, производство, ориентированное на конечного, частного потребителя, горизонтальные коммуникации, массовая культура и т. п. Напротив, сферы военно-промышленного комплекса, бывшего преимущественной заботой тоталитарного режима, стремительно деградировали и теряли всякое значение. Однако эволюция в России пошла не по “восточно- или центрально-европейскому” сценарию, который предполагал быстрое и решительное изменение структуры власти и смену всей политической системы, формирование современных правовых и политических институтов, а по “среднеазиатскому”: после некоторого периода турбулентности на высших уровнях не подконтрольной никому в стране власти ситуация стабилизировалась»¹⁶.

Почему стремительная деградация ВПК рассматривается Л. Д. Гудковым как один из самых позитивных результатов «правильного» варианта российской модернизации в 1990-е гг., остается неясным. Особенно с учетом того, что в США, являющихся маяком и идеальным-типическим образцом для либеральных сторонников преобразований в России, ВПК рассматривается как один из ведущих секторов экономики, не только обеспечивающий национальную безопасность страны и продвижение американских интересов во всем мире, но и приносящий существенную прибыль в результате продажи вооружений на мировом рынке.

Возникает резонный вопрос, почему автор апеллирует к некоей абстрактной идеальной-типической модели (формально логически выверенной и научно аргументированной), но при этом игнорирует результаты реального опыта модернизации, когда политические лидеры реформировали страну, следуя той самой логике системных и всесторонних преобразований? Реформы М. С. Горбачева, проводимые в соответствии с данной логикой одновременной системной демократизации всех сфер общественной жизни, привели к разрушению СССР и многочисленным конфликтам на его территории.

Остается также неясным, почему позитивные преобразования 1990-х гг. расцениваются Л. Д. Гудковым в отрыве от их негативных последствий, которые не только отбросили жизненный уровень большинства населения на несколько десятилетий назад, но и поставили страну на грань национальной катастрофы в результате дезинте-

грационных процессов и утраты суверенитета над рядом российских регионов.

Автор скрупулезно выявляет системные недостатки политического режима, который сложился в 2000-е гг. (сочетание ресурсов неформальных корпоративных отношений, репрессивных институтов и неприкрытого административного произвола; традиционалистское мифологизаторство, ксенофобия, изоляционизм, антизападничество и др.). В результате он констатирует, что «процессы модернизации блокируются центральными, символическими институтами социальной системы в России, ее режимом власти. В этом смысле надежды на авторитарный вариант модернизации безосновательны, поскольку латентные функции этих институтов заключаются в систематической девальвации ценностей и подавлении механизмов, могущих инициировать появление более сложных форм социальной организации». За данным «системным» выводом следует косвенная оценка и социокультурных характеристик российского населения, которые, по мнению автора, позволяют функционировать авторитарному политическому режиму на основе использования архаических и простых форм регуляции – обрядоверие, имитирующие веру, традиционалистские ритуалы, фобии, предрассудки, мифы, санкционирующие те или иные социальные практики. «Стерилизации подвергается главный принцип модерности – формирование автономной субъективности. В результате мы имеем дело с крайне «разреженным культурным пространством» (Н. Зоркая), с комплексами и сознанием «вечной периферии», с «пустым пространством», которое воспринимается как географическое проклятие России»¹⁷. Такие же крайне негативные оценки Л. Д. Гудков дает и интеллигенции, констатируя, что «острое ощущение деградации слоя «культурных людей», «интеллигенции», «образованного сообщества» и т. п., происшедшей в последние 15 лет, связано не только с фактической утратой ими авторитета (их неслышностью, или невлиятельностью в рыночной экономике), но и с исчезновением, отчасти – воображаемого, отчасти – действительного, внутреннего противостояния дряхлеющей тоталитарной власти, режима, потерявшего силу»¹⁸.

Такое понимание субъектности и функциональности российской интеллигенции как главного критика и оппонента действующей власти (на праве «защитников сырых и убогих») в истории России в XX в. дважды приводило к радикальным политическим и социально-экономическим потрясениям. В 1917 г. во многом благодаря предшествующей повсеместной и язвительно-уничтожительной критике царского режима со стороны российской интеллигенции Россия была ввергнута в водоворот кровопролитной гражданской войны, установление большевистской диктатуры и многолетнего социалистического эксперимента. Второй раз такое широкое противостояние тоталитарному режиму КПСС уже новой, псевдосоциалисти-

ческой интеллигенции привело к разрушению СССР и крайне тяжелым социально-экономическим потрясениям. Сильнее всех они коснулись именно «сырых и убогих», о которых так пеклись представители демократической интеллигенции в период гласности и перестройки. Вероятно, именно такая функциональность интеллигенции на основе «автономной субъективности», с массовым участием протестов на Болотной площади, была бы оценена автором положительно. Неплохо бы только при этом постоянно помнить радость митингующих интеллигентов на площадях городов России в феврале 1917 г. и все последующие трагические события.

Последняя публикация Л. Д. Гудкова, основанная на его осмыслении в том числе и поствыборных протестных событий декабря 2011 г. – мая 2012 г., свидетельствует, что оценки автора в отношении роли социокультурного фактора не изменились. Он утверждает, что в российском обществе ярко обозначились принципиальные расхождения между условной «Москвой» как социокультурным центром и иными типами поселений, уже как антиподами Москвы, представляющими другие варианты (а не фазы) эволюции страны¹⁹. Смысловой подтекст неизменный – российским модернизаторам достался «плохой» немодернизируемый народ: «...20 проц. всего населения принадлежит к типу наиболее модернизированной и развитой среды крупных городов, 35–40 проц. – к антимодерному типу и 20–25 проц. приходится на домодерную, традиционалистскую Россию... Основной проблемой для носителей современного капитала окажется состояние самого общества – необходимость преодоления политического инфантилизма и апатии населения»²⁰. В этой связи вспоминаются лозунги первой половины 1990-х гг., которые можно было увидеть на привокзальных заборах во многих провинциальных российских городах, – «Москва – не Россия!».

В. А. Ядов, оценивая «особость» России в решении задач модернизации, также видит в том, что трансформации в рамках страны осуществляются присущими России особенностями социальных институтов, культуры, менталитета и стиля практических действий граждан²¹. Другими словами, ментальные особенности российского населения обуславливают характер модернизационных преобразований.

Тем самым авторы вольно или невольно вновь стремятся переложить ответственность за негативные последствия радикальных реформ начала 1990-х гг. (проводимых при концептуальной и идеологической поддержке либерально ориентированной творческой интеллигенции, в том числе и научного сообщества) на само российское население.

Более взвешенный подход к оценке постсоветских преобразований в контексте модернизационных задач и роли социокультурного фактора в их решении представлен в исследовании

А. В. Кивы. Он выделяет несколько вариантов проведения либеральной модернизации и, соответственно, групп их сторонников.

По мнению А. В. Кивы, даже в современной России (в том числе и во власти) имеется достаточно сторонников спонтанной модернизации, но только в сфере экономики. Они *de facto* продолжают следовать предписаниям «Вашингтонского консенсуса», построенным на неолиберальной теории М. Фридмана: «рынок все расставит по местам»²². К чему привела их политика, известно. Причины деградации России как промышленной державы с развитой наукой и отдельными отраслями высоких технологий точно назвал член-корреспондент РАН Р. Гринберг: «Настоящая причина одна – инфантильно-провинциальная философия рыночного фундаментализма, овладевшая властными российскими кругами, твердо усвоившими одно: рынок сам все отрегулирует. Он и отрегулировал: все, что не обещало немедленного обогащения, оказалось закрыто или заброшено»²³.

Тем не менее сторонники данного подхода вовсе не против использования авторитарных методов в политике для проведения либеральной модернизации в экономике, то есть жесткого проведения непопулярных реформ, затрагивающих интересы большинства населения. Сущность такой политики – сведение бюджетных обязательств к минимуму. Фактически пропагандируется, по меткому выражению Р. Гринберга, самый настоящий «зоологический капитализм»²⁴.

К сторонникам «идеологизированной» неолиберальной модернизации А. В. Кива относит представителей либералов-западников. Суть этого подхода: «...строгая финансовая дисциплина; ограничение госрасходов социальной сферой и инфраструктурой; снижение ставок налогов; либерализация финансовых рынков; свободный обменный курс национальной валюты; либерализация внешней торговли; открытие страны для иностранных инвестиций; приватизация; дерегулирование экономики; защита прав собственности. Несмотря на то, что многие видные американские экономисты доказали несостоятельность рекомендаций “Вашингтонского консенсуса” для стран с переходной экономикой, и их реализация в России имела катастрофические последствия, идеи этого “консенсуса”, похоже, у нас живы по сей день»²⁵.

Одним из главных пунктов критики стала идея приоритета демократии над социально-экономическим развитием. Наиболее последовательно она представлена Е. Гонтмахером в ходе дискуссии в ИНСОР по докладу «Россия XXI века: образ желаемого завтра»: «Модернизация сейчас, в условиях несвободы, в принципе нереализуема. Сейчас, в постиндустриальную эпоху, такого не бывает. Переход в сторону этатизма, культа власти в новом мире заведомо непродуктивен... Обновление политической системы становится обязатель-

ной составляющей модернизации. Это пункт, на котором мы настаиваем. Он недостаточен, но он необходим. Модернизация, начавшись в политике и распространившись на повседневные практики, откроет возможности свободной самореализации наиболее активных и продуктивных категорий граждан, привлечения массовых инвестиций в виде умов и рук. От политики к экономике и наоборот»²⁶.

Дискуссия вокруг данного доклада и выступлений его авторов обозначила остро критичное восприятие со стороны видных российских экономистов тезисов главы ИНСОРа И. Юргенса, касающихся социокультурных характеристик русского населения. Он утверждал, что «русские ещё очень архаичны», что для нынешнего населения страны характерны деградация, люмпенизация и даже дебилизация. По мнению А. Привалова, подобные высказывания нехороши с точки зрения морали, провальны логически и катастрофичны электорально²⁷.

По справедливому мнению А. В. Кивы, идея приоритета либеральных преобразований и сомнительна, и неосуществима, и основывается на абсолютном отрыве от массовых настроений, от соотношения сил в стране и ее исторической практики, даже от понимания того, есть ли в стране силы, на которые можно опереться при проведении такой политики. Надо учитывать, что идеи демократии и либерализма, дискредитированные в 1990-е гг., отторгаются большинством россиян²⁸.

В этой связи наиболее реалистичной представляется модель российской модернизации, суть которой состоит в том, чтобы последовательно реализовывать преобразования в экономической сфере и на этой основе укреплять государственную социальную политику. Именно в этом случае возможно повышение уровня легитимности государственной власти и отдельных политических институтов и механизмов. Соответственно, будут возможными и постепенные изменения массового сознания и политической культуры населения. Это вовсе не означает отказа от критики важнейших и вполне очевидных недостатков существующей политической системы и от борьбы за их устранение. Однако реализовать эту борьбу можно только на основе трезвого осмысления реальных социально-политических ресурсов, с учетом социокультурных характеристик большинства населения.

Выбирать в качестве стратегического ориентира общественного развития России либеральную модель, которая не поддерживается большинством населения, в условиях отсутствия сколько-нибудь значительной политической силы, способной на эффективную пропаганду и внедрение представлений о преимуществах данной модели в массовое сознание, не просто ошибочно, но и опасно. Раскачать существующую политическую систему на основе последовательной и острой критики ее принципиальных недостатков и с помощью активных протестных действий

всех радикальных оппозиционных сил вполне возможно, но нет никакой гарантии, что на смену придет либеральная модель сбалансированных взаимоотношений между властью и гражданским обществом.

То, что в 1990-е гг. среди либеральных сторонников не было последовательных сторонников защиты национальных интересов России, дает основание предположить, что борьба с авторитаризмом и внедрение идеально-типической либеральной модели общественного устройства, которая якобы все самонастроит и автоматически разрешит все противоречия на основе активной гражданской субъектности, является для них самоцелью. Вполне реальный запуск процессов саморазрушения системы при этом не учитывается. Наличие политических сил на мировой арене, которые заинтересованы в максимальном ослаблении России, и жесточайшей конкуренции в борьбе за доступ к сырьевым и иным стратегическим ресурсам также игнорируется.

Подобные аргументы, идентичные изложенным выше аргументам Л. Д. Гудкова, не вызвали бы никакого отторжения, если бы московский (и других крупных городов) «креативный» класс действительно являл собой референтную группу для большинства российского населения не только уровнем своих доходов, но и уровнем социальной и гражданской ответственности за судьбы страны и всего российского народа. Однако ни характер деятельности большинства представителей данного класса (в значительной степени сосредоточенного на обслуживании финансовых и материальных потоков, сконцентрированных со всей России в столицах и крупных городах), ни образ жизни (чаще всего воспринимаемый большинством по гламурным журналам и светским программам, а также новостям о развлечениях «золотой» молодежи) не вызывают особых положительных чувств у большинства населения. Зависть к такому образу жизни у представителей провинциальной молодежи вряд ли можно считать модернизационным стимулом, мотивирующим их инновационное поведение. Скорее напротив – стремление любым способом попасть в эту «элитарную» группу нередко мотивирует преступность, проституцию и внутреннюю миграцию, а не только расширение региональных модернизационных ресурсов.

Н. Е. Тихонова, анализируя материалы социологических опросов, нацеленных на эмпирическое измерение степени модернизированности сознания и поведения россиян на микроуровне, выделяет три краеугольных социокультурных обстоятельства проведения модернизации в современной России. Прежде всего, она констатирует незавершенность процессов социокультурной модернизации в сфере экономического сознания россиян (специфическое отношение к природным ресурсам, четкое деление на «своих» и «чужих», ряд специфических особенностей восприятия частной собственности и прав бизнеса, в частно-

сти, значимость их морально-этической легитимации и относительная незначимость юридически закрепленных прав собственности, и т. д.). При этом отмечает, что «все эти особенности в период социокультурной трансформации характеризуют население любой страны, совершающей переход от традиционного (доиндустриального) к современному (индустриальному) типу обществ»²⁹. Тем самым автор довольно безапелляционно относит российское общество к доиндустриальному социокультурному типу, невзирая на характеристики современной России как ядерной и космической державы, на то, что еще совсем недавно СССР признавался во всем мире как вторая индустриальная держава. Как представляется, определять в качестве доиндустриальных традиционалистские ценности современного российского общества (в значительной степени обусловленные наследием социалистической индоктринации) по меньшей мере неправомерно с точки зрения исторических фактов.

Второе обстоятельство, которое обуславливает специфику именно российской модели развития, автор видит в легитимности всевластия государства и его особой роли в экономике, позволяющей говорить о том, что этакратизм с характерной для него сращенностью власти и собственности по-прежнему остается в России нормой для общественного сознания. Думается, что и данная особенность в определяющей степени связана с наследием советского прошлого, когда партийно-государственная система контролировала развитие всех сфер жизни общества.

Третье обстоятельство, которое констатирует Н. Е. Тихонова, связано с тем фактом, что ни переход к рыночной экономике сам по себе, ни социализация в новых условиях родившихся уже в годы перестройки и реформ поколений молодежи не приводят к разрушению их традиционалистского по сути (хотя при этом и вполне рыночного) экономического сознания. Более того, последние годы продемонстрировали скорее своего рода ренессанс этой модели³⁰.

На наш взгляд, данные обстоятельства свидетельствуют больше о том, что окончательно дискредитировала себя либеральная модель модернизации, скалькированная с западных образцов и раз за разом навязываемая российскому обществу ее сторонниками, в том числе и на теоретико-концептуальном уровне, как единственно возможная и альтернативная.

Возникает резонный вопрос: почему в качестве альтернативных вариантов всерьез не рассматриваются китайская или вьетнамская модели реформирования общественно-политической и социально-экономической системы? Очевидно, что по своим исходным позициям, обусловленным реальным (хотя и очень противоречивым) социалистическим наследием, Россия имела гораздо больше общего с данными странами, чем с той исторической ситуацией, в которой проходила мо-

дернизация в большинстве развитых европейских стран, на которые призывают ориентироваться российские либералы.

Успех бывших стран Восточного блока (на наш взгляд, далеко не безоговорочный) в решении модернизационных задач после распада СССР нередко служит одним из аргументов безальтернативности для России (как европейской страны) либеральной модели преобразований. Однако опыт постсоциалистической модернизации данных стран в значительной степени отличается от России по исходным позициям, а также по внутренним и внешним обстоятельствам. Главные отличия схематично можно обозначить как обусловленные гораздо меньшей ломкой ментальных оснований населения данных стран в результате общественно-политических, социально-экономических и культурных преобразований, в значительной степени навязанных извне и осуществляемых при всесторонней поддержке со стороны СССР.

Кроме того, нужно учитывать то обстоятельство, что, стремясь закрепить распад СССР и Восточного блока, Евросоюз и НАТО оказывали существенную финансовую, материальную, технологическую поддержку данным странам с целью включить их в орбиту своего влияния. Россия, как правопреемница СССР, продолжала рассматриваться как опасный геополитический конкурент. Поэтому никакой серьезной поддержки российские либеральные реформаторы от западных стран для проведения экономической модернизации не получили. Напротив, главной целью западной политики и смыслом навязываемых российским либералам рекомендаций по проведению модернизации в период 1990-х гг. было всемерное ослабление России как индустриальной и военной державы и превращение ее в источник сырья для ведущих западноевропейских стран.

В целом, анализ различных подходов к проблемам роли социокультурного фактора в проведении постсоветских преобразований позволяет констатировать, что, несмотря на различия позиций, большинство исследователей продолжает соотносить задачи российской модернизации с идеальной-типической моделью западных обществ. Постоянная незавершенность реализации такой модели рассматривается как ключевая причина отставания России. Тем самым ответственность за срыв преобразований перекладывается с модернизаторов на архаичное российское население со специфическим традиционалистским сознанием, не поддающимся модернизации. Такая парадигмальная установка не позволяет исследователям исходить из реального наличного социокультурного потенциала российского населения и концептуально обосновать специфическую модель российской модернизации, наиболее адекватно отвечающую ее политическим, социально-экономическим, этноконфессиональным, географическим и геополитическим условиям.

Примечания

- 1 *Пантин В. И.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С. 125.
- 2 См.: *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 38–72.
- 3 См.: *Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С.* Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология: монография / под общ. ред. В. И. Якунина. М., 2011. С. 322.
- 4 См.: *Готово ли российское общество к модернизации?* / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М., 2010.
- 5 *Петухов В. В.* Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социс. 2012. № 1. С. 49.
- 6 Там же.
- 7 *Пантин В. И.* Указ. соч. С. 125–126.
- 8 Цит. по: *Мартьянов В. С.* Один модерн или множество? // Полис. 2010. № 6. С. 47.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 47–48.
- 11 См.: *Беляева Л. А.* Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социс. 2011. № 10. С. 23.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 24.
- 14 *Гудков Л.* Общество с ограниченной вменяемостью // Вестн. общественного мнения. 2008. № 1. С. 9.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 32.
- 18 Там же.
- 19 См.: *Гудков Л.* Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. 2012. Май–июнь. Т. 16. С. 27.
- 20 Там же. С. 28.
- 21 См.: *Ядов В. А.* К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России. 2010. № 3. С. 55.
- 22 См.: *Кива А. В.* Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 46.
- 23 *Гринберг Р.* Интервью радиостанции «Голос России». 2009. 28 окт.
- 24 Там же.
- 25 *Кива А. В.* Указ. соч. С. 47.
- 26 Модернизация сейчас, в условиях несвободы, в принципе нереализуема. Дискуссия по докладу ИНСОП «Россия XXI века: образ желаемого завтра». URL: <http://slon.ru/articals/257343/> (дата обращения: 17.01.2011).
- 27 См.: *Привалов А.* О том, кто кому мешает. URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/7961> (дата обращения: 10.10.2012).
- 28 См.: *Кива А. В.* Указ. соч. С. 47.
- 29 *Тихонова Н. Е.* Социокультурная модернизация в России // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 5.
- 30 Там же. С. 6.